

Русские эмигранты в Дании

к 100-летию русской Октябрьской революции

Ирина Бйорно

**Русские эмигранты в Дании.
К 100-летию русской
Октябрьской революции**

«Издательские решения»

Бйорно И.

Русские эмигранты в Дании. К 100-летию русской Октябрьской революции / И. Бйорно — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858587-6

Можно ли прочесть историю человека, увидев его фото или узнав о нем из интернета? Можно ли по рассказам русских эмигрантов понять историю России? Этой задаче и посвящена эта книга. Я встречалась с теми, кто описан в этой книге, или знала их по рассказам очевидцев. Почему так важно через рассказы эмигрантов показать особенности русской эмиграции в Данию? Да потому что сейчас началось глобальное эмиграционное, или, скорее, миграционное мировое движение. Понять его поможет эта книга.

ISBN 978-5-44-858587-6

© Бйорно И.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Кто работал над книгой	7
История первая. Князь Димитрий Романов	8
История вторая. Татьяна Ладыженская – Майнерс, Русская Графиня	11
История третья. Пия Винд и судьба казака Ящика	15
Семейство Обринк и его связь с русской царицей	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Русские эмигранты в Дании К 100-летию русской Октябрьской революции

Редактор Ирина Бйорно

Корректор Татьяна Якушева Соренсен

ISBN 978-5-4485-8587-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Идея этой книги возникла уже несколько лет назад, когда я столкнулась с русской диаспорой в Дании, где я живу уже 27 лет. Встречаясь с разными людьми, оказавшимися в этой стране, они мне рассказывали свои личные истории – иногда грустные, иногда неожиданные – истории их пути из России в Скандинавию. И вот возникла мысль – создать летопись тех людей, которые уехали из России и оказались здесь. Кто они? Почему они уехали из России? Что привело их в дождливую Скандинавию – в Датское Королевство? И можно ли по рассказам русских эмигрантов понять историю России? Этой задаче и посвящена данная книга.

Я встречалась с теми, кто описан в этой книге или знала их по рассказам очевидцев. Я брала интервью, звонила им, мы вместе участвовали в разных проектах. Многие из них стали моими друзьями.

Почему так важно через портреты эмигрантов показать особенности Русской эмиграции в Данию? Да потому, что сейчас началось глобальное эмиграционное, или, скорее, миграционное мировое движение. Началу такого движения всегда задаёт нужда – войны, катастрофы, природные катаклизмы, желание выжить. От счастья люди не бегают, но иногда бегут за «Синей птицей» счастья в чужую сторонку. 35 миллионов русских живут сейчас вне России.

Как сложилась судьба людей, которые выбрали жить вне России и приехали в Данию? Стали ли они «своими» в чужой для них стране? Забыли ли они о России? Или в душе их сохранилась «русская закваска»?

В книге описаны четыре потока эмиграции – исторический, политический, социальный и экономический потоки. У них разные корни. Эта книга – только начало летописи о глобальной русской эмиграции. Но уже сейчас вы сможете «прочувствовать» эти четыре потока.

Почитайте личные истории эмигрантов, посмотрите в их глаза и подумайте, а хороша ли она – судьба эмигранта? И может ли такой эмигрант любить Россию так, чтобы считать её своей Родиной, даже если ты родился не в России? А, может, мы все – немного эмигранты?

Ирина Бйорно, редактор

Кто работал над книгой

Главным редактором этой книги была **Ирина Бйорно**, писатель, поэт и член Российского Союза Писателей. Она не раз уже поднимала большие международные проекты, такие, как установка памятника Пушкину в Копенгагене, проведение Международного бала, посвященного 150-летию бракосочетания Александра Третьего и Датской принцессы Дагмар и других.

Проект был поддержан такими организациями, как **Россотрудничество, Российской Культурной Миссией в Дании (РКМД)**. Я им очень благодарна за возможность осуществления книги-проекта на высшем уровне!

Ну а теперь – давайте предоставим слово самим участникам проекта.

История первая. Князь Димитрий Романов

Князь Димитрий Романов, родился в 1926 году во Франции, переехал жить в Данию в 1959 году, где и умер в декабре 2016.

Я встретила с князем Дмитрием Романовичем Романовым где-то около 1992 года у княгини Татьяны Сергеевны Ладыженской. Она часто проводила дни рождения, юбилеи, Пасху, Рождество и всегда приглашала именитых гостей. Там я его и встретила.

Князь Димитрий Романов поразил меня отличной, почти военной выправкой, умением гордо держать голову и орлиным «породистым» носом. «Француз», – подумала я, и не ошиблась. Князь родился в Антибе, на юге Франции в 1926 году в семье, происхождение которой велось от самого Николая Первого. Они были его дальними родственниками.

Князь Димитрий закончил школу во Франции, и родители вместе с ним переехали жить в Италию, а после войны – в Александрию, Египет, где он поступил в ученики к автомеханическую мастерскую Форда. Потом был еще один переезд, и вот он оказался в Дании. Его первой женой была датчанка. Князь Димитрий нашел работу в Датском банке, и жизнь стала налаживаться.

Детей у них в браке не было. В Дании он стал посещать русскую церковь, и постепенно стал неотъемлемой частью русской диаспоры, хотя русским он фактически и не был, кроме той бесконечно малой толики крови Романовых и фамилии, которую он носил с гордостью и величием. Его русский был с акцентом.

После распада СССР роль князя Димитрия Романова сильно изменилось. В новых условиях русские люди в России обратили внимание на оставшихся в живых Романовых. В России создается, или скорее возрождается, Дворянское Собрание, и простые люди начинают искать свои корни по всему свету.

В это время Князь Димитрий теряет свою первую жену, которую он очень любил (она скоропостижно умерла) и женится вскоре на Доррит Ревентлов, с которой он состоял в браке до последнего дня жизни. Они оба активно включаются в работу по восстановлению статуса семьи Романовых. Князь Димитрий едет в Россию, встречается с правительством, открывает благотворительный Фонд князя Димитрия Романова. В то время он уже был на пенсии, и времени на эту деятельность у него было достаточно.

Он активно занимается вопросами перезахоронения останков государыни Марии Федоровны, датской принцессы Дагмар, из Дании в Санкт-Петербург, что ему и удаётся осуществить в 2006 году. В 2015 году он отмечает свой 90-летний юбилей и посещает со своей женой Крым, где дает интервью многим русским газетам.

В ноябре 2016 году я пригласила князя Димитрия с женой на открытие бала, посвященного 150-летию со дня бракосочетания принцессы Дагмар с императором Александром III, но из-за болезни он придти так и не смог. В открытии участвовала его жена, и вы можете сами посмотреть, как это было или почитать о бале в [Книге Бала](#), вышедшей в 2016 году.

В декабре 2016 года князь Димитрий Романов умер. Отпевали его 10 января 2017 года в русской церкви прихода Александра Невского, где присутствовало много народу.

Я буду всегда вспоминать, как мы вальсировали с князем Димитрием на юбилее княгини Татьяны Сергеевны Ладыженской (читайте о ней в нашей книге ниже). Он был легким и быстрым, даже в зрелые годы, и искренне любил шумные праздники. Он был частью оставшейся в живых семьи Романовых, но наследников сам не оставил. Ветвь Романовых, восходившая к Николаю Первому, засохла.

Мой папа встречался весной 2015 в Москве с Великой княгиней Марией Владимировной Романовой – из ветви семьи Романовых, живущих в Испании. Она является меценатом Российского Союза Писателей и помогает выпуску книг «Наследие», где я публикуюсь. Она подписала книгу моему папе на память от семьи Романовых. Такой подписи от князя Димитрия Романова у меня не осталось – только смутное воспоминание о вальсе в холодный декабрьский вечер недалеко от того дома, где жил сам Ганс Христиан Андерсен. Именно там встречалась русская диаспора, чтобы отметить юбилей и дни рождения. Именно таким я и запомнила князя Димитрия Романова.

Светлая ему память!

Когда я последний раз встречалась с княгиней Доррит Романовой на приеме у Российского посла Ванина В. М., разговор зашел о Крыме. Она рассказала мне о том, как Президент Путин пригласил князя Димитрия Романова в Крым – вскоре после его воссоединения с Россией – в 2015 году. Княжна Дорит говорила о чудесных дворцах Ливадии, об имении князя Дюльбер, о специальном воздухе Крыма, напоенном ароматами цветов и дивных видах гор и моря. «Ну чем не Италия?» – заметила она. И тут она прибавила, блеснув своими красивыми, улыбающимися глазами: «А ведь это был князь Димитрий Романов, который не побоялся сказать открыто: «Самое важное сейчас – что Крым теперь может двигаться вперед. Не только в экономике, не только для туристов, а полноценно». Князь Димитрий говорил это от души.

Редактор, Ирина Бйорно, фото из открытых источников

ГЕРБ ДОМА РОМАНОВЫХ

История вторая. Татьяна Ладыженская – Майнерс, Русская Графиня

Княгиня Татьяна Ладыженская Майнерс – родилась в 1919 году в Дании, умерла в 2006 в Дании.

Татьяна Сергеевна Ладыженская, родилась в Дании в 1919. Она была дочерью камер-юнкера С. С. Ладыженского, личного помощника супруги Императора Александра III, Императрицы Марии Федоровны – дочери датского короля Христиана IX.

Я встретила Татьяну Ладыженскую в 1991 году в Русской церкви имени Александра Невского, что на Бредгеде в Копенгагене. Тогда я не знала её истории и тайн. Я стала её подругой, и много лет наблюдала за жизнью «последней русской графини» – как она любила себя называть.

Вот история о её смерти – о смерти «Последней Русской Графини»

*Посвящается моей близкой подруге, графине – Татьяне Сергеевне
Ладыженской*

У неё в квартире стояло кресло русского царя Александра Третьего, подаренного ему крестьянами. На этом кресле я часто сидела в гостях у Татьяны Сергеевны.

Последние годы своей жизни Татьяна Сергеевна болела. У неё были распухшие от подагры ноги, грузное тело, и «жаба» в груди – очень точное название её сердечной недостаточности, потому что когда она дышала, в её груди всё сопело и, казалось, там жила именно не лягушка-квакушка, а жирная, пупырчатая жаба.

Она умирала. Ей было за восемьдесят, и она прожила долгую жизнь, где она играла роль графини каждый день, и играла эту роль она с большим удовольствием. Роль срослась с ней настолько, что она стала верить во все те правдивые и придуманные истории из жизни графини, которые она часто и с удовольствием рассказывала другим.

В те моменты, когда слушатели замирали и открывали рот от удивления, она получала истинное наслаждение от своей жизни настоящей русской графини. Вот и теперь графиня сидела на своём старом, прохудившемся и вылинявшем кресле, над которым висел портрет её прадедушки – графа и героя русско-турецкой войны, с пушистыми бакенбардами и лошадиным лицом, и не хотела умирать.

На её шее было материно золотое ожерелье с пятью маленькими яичками Фаберже, усыпанными разноцветными камнями, с которым она не расставалась ни днём, ни ночью, а на мизинце левой руки сидело кольцо, называемое «золотой купелью», но огромного, сибирского голубого бриллианта с уникальной русской огранкой, увы, там уже не было: то ли он выпал в больнице, где она проводила всё больше времени, то ли его украли, когда она лежала в беспамятстве после переливания крови.

Но эти предметы, также как и маленькая брошь с двуглавым орлом с глазами-бриллиантами, которая кочевала с одной блузы на другую, были частью Татьяны Сергеевны, и она ни при каких обстоятельствах не продала бы их. Без них она не чувствовала себя графиней.

Она жила в маленькой квартирке с тремя небольшими комнатами, за которую она платила из своей небольшой пенсии. Квартира была в старом доме без лифта, на третьем этаже, и вот уже полгода графиня не выходила на улицу, так как не могла подняться по крутым ступенькам вверх: ноги с подагрой не держали больше её грузное тело.

Но перспектива переезда в дом престарелых для Татьяны Сергеевны была невозможной. Только в этой квартире, с множеством старых русских картин, с акварелями сестры царя Николая Второго, портретом матери в бальном платье и мебелью из кабинета Александра третьего, она чувствовала себя русской графиней.

Детей у неё никогда не было, второй муж, бывший белый офицер, которого она встретила в Париже, где он коротал жизнь шофёром такси, умер, а денег на прислугу в её доме никогда не водилось.

Она обожала свой телефон, особенно когда он звонил, и тогда она оживала, и если это звонила женщина, Татьяна Сергеевна громко кричала в трубку, не давая опомниться звонившей: «Кися, а ты ко мне приедешь?». Кисей она называла всех подряд. Имен она уже не помнила, кроме тех, которые ей были нужны в её историях, а остальные – нужные ей в её нелёгкой жизни – записывала в блокнот, всегда лежавший рядом с ней.

Так она зазывала к себе всех возможных слушателей её историй и тех, кто мог оказать ей маленькие, но необходимые для её жизни ежедневные услуги.

Если звонил мужчина, то, независимо от возраста, она называла его «шалунишкой эдаким» и с налёта говорила всегда одно и то же: «Знаю тебя! В кровать ведь норовишь ко мне – но я тебя не люблю».

Она родилась уже на чужбине – не в России, в далёком послереволюционном 1919, и впервые попала в Россию уже в 80-сятых годах, на закате Брежневской Империи развитого социализма. Коммунистов она не любила, так как верила, что они виноваты во всём, что случилось в далёком октябре семнадцатого.

Мама графини, фрейлина государыни, выехала из опалённой революцией России вместе с мамой убиенного в Сибири царя, и своим мужем. Фрейлина была тогда уже беременна Татьяной Сергеевной. Семья прихватила из России кое-какую царскую мебель, картины и, конечно, компактные и умные бриллианты, которые зашили в лифы всех своих платьев.

Мама графини разрешилась дочерью на чужбине, а крёстной матерью у маленькой графини стала сама мама русского царя, подарившая младенцу большое яйцо Фаберже с золотой повозкой внутри, усыпанное бриллиантами.

Это яйцо теперь стояло на столике у нашей графини, и оно там находилось уже более восьмидесяти лет, но графиня не решалась отнести его к оценщику, так как боялась, что ювелир мог заменить бриллианты на стёклышки, а отличить настоящие бриллианты от фальшивых она не могла.

Мама Татьяны Сергеевны так и не выучила язык той страны, которая дала приют ей и её мужу, поэтому в доме у них была русская, красивая речь времён Царского Села, пересыпанная французскими выражениями. Так эта русская речь времён первой мировой войны и застыла в этой аристократической русской семье, ведущей борьбу за существование в новой для них, дождливой и не слишком приветливой, скандинавской стране.

Мама графини занималась русской церковью, ставшей центром русской эмиграции, а отец добывал деньги на существование, работая консультантом по продаже в крупной международной фирме. Он быстро выучил новый язык и даже получал удовольствие от этой, новой для него, рабочей жизни.

Маленькая графиня окончила частную школу и вышла замуж за немецкого барона без денег. Тут разразилась война, и её барон уехал, а она потеряла работу лаборантки из-за своей немецкой фамилии.

Она продолжила работу матери в русской церкви, где они открыли лазарет для русских солдат. Её вера в Бога была активной и заключалась в организации всего, что связано с церковью. Она выступала часто по местному радио и посылала статьи в женские журналы, где рассказывала истории о русской церкви и своей личной истории русской графини на чужбине.

Теперь эти старые журналы с её интервью и пожелтевшими от времени страницами пылились на её журнальном столике, ожидая прихода гостей, заглядывающих к ней всё реже и реже. Для них она хранила свои личные истории, которые отточила за долгие годы практики, повторяя их опять и опять.

Особенно ей нравилась история о лестнице, которую держат ангелы, а души умерших поднимаются по ней на небо. Эту историю она рассказывала часто, как пример русской веры в Бога. Теперь же, когда она состарилась и была больна, она ни за что не хотела согласиться, что пришло время ей самой подниматься по этой лестнице, увитой цветами и поддерживаемой ангелами, предпочитая пить лекарства и страдать, но быть на земле. Кто знает, что ждёт её там, на небесах, и какую роль ей суждено играть в обществе Бога? Роль земной графини её устраивала, и она ни за что не хотела с ней расставаться.

Графиня закрыла глаза, неумело подведённые старческой, трясущейся рукой, и сон сморил её больное тело. Но даже во сне ей снились поклонники, бриллианты и она, юная и красивая, танцующая на балу. То был только сон.

И вот однажды она уснула в своём старом выцветшем кресле навсегда, доиграв до конца свою роль последней, настоящей русской графини.

Она была и оставалась русской, хотя родилась не в России – так эмигранты во втором поколении становятся более яростными защитниками Русской культуры, чем были их родители. Так они продолжают и несут традиции дальше.

Справка. Род князей Ладыженских ведет свой отсчет с 1375 г. – когда князь Дмитрий Донской пригласил легендарного шведа Облагиню в Россию. Именно он и стал основателем древнего рода Ладыженских. Отец Татьяны Сергеевны – потомственный дворянин, имел большие имения под Нижним Новгородом и Чернобылем. Во время революционной ситуации в России был назначен сопровождать – вместе со своей матерью, Марией Ладыженской, на родину, в Данию, императрицу Марию Федоровну (датскую принцессу Дагмару) – мать

последнего русского царя Николая II. Здесь, в Копенгагене, переживая смуту, и осело русское дворянское семейство. Именно там в 1919 году, у Ладыженских родилась дочь Татьяна.

Татьяна Сергеевна была на протяжении многих лет старостой прихода Александра неевского. Она сама и вся её семья похоронены в Старом русском секторе на кладбище Ассистенс в Копенгагене. Фото – личный архив Ирины Бйорно.

ГЕРБ СЕМЬИ ЛАДЫЖЕНСКИХ

История третья. Пия Винд и судьба казака Ящика

Казака Тимофей Ящик родился в 1878 в России, эмигрировал в Данию вместе со вдовствующей Императрицей Марией Фёдоровной (принцессой Дагмар) в 1919, умер в Дании в 1940.

Вот что передала мне моя подруга, Пия Винд, которая живет в Дании и работает в метрологическом институте.

Редактор Ирина Бйорно

Предисловие

Сестра одного из моих прадедушек, Агнес Мета Ригмор Обринк Педерсен, была замужем вторым браком за Тимофеем Ксенофоновичем Ящиком, лейб-казачком королевы Дагмар. Он был телохранителем Дагмар и сопровождал её на пути из России в Данию. Рассказывают, что по ночам он спал перед её дверью в замке Видовре.

Агнес и Тимофей обвенчались 10 мая 1925 года в русской православной церкви на улице Брэдгэде и отпраздновали свадьбу в Видовре (где и жила вдовствующая императрица Мария Фёдоровна до конца своих дней).

Отца Тимофея звали Ксенофонт Ящик, а мать – Василиса Варна. Сам Тимофей был прежде женат на Марте Сидорской, и оставил её и 9 своих детей в России в 1919, чтобы последовать за принцессой Дагмар (Императрица Мария Фёдоровна – зам. редактора). В моём семейном архиве сохранились некоторые материалы о Тимофее, в том числе заметки.

Недавно я была в замке Видовре и выяснила, что местный куратор тоже знает историю о Тимофее Ящике. Я сама присутствовала на церемонии перезахоронения Дагмар, которая состоялась несколько лет назад, а также была на выставке в часовне на русском кладбище в Копенгагене. Кроме того, за несколько лет до этого проходила масштабная выставка в Музее военной истории и оружия, где мне довелось познакомиться с теми, кто тоже интересуется историей Дагмар и Тимофея.

У Тимофея и Агнес не было детей, поэтому не осталось и потомков.

Прилагаю запись из книги заметок, которую я сделала для сына по случаю его конфирмации.

*С наилучшими пожеланиями,
Пиа Винд*

ГЕРБ СЕМЬИ ОБРИНК

Семейство Обринк и его связь с русской царицей

На самом деле фамилия Йенса Кристиана Обринка была вовсе не Обринк. Возможно, он взял её себе вместо фамилии Педерсен, чтобы его инициалы стояли в начале телефонной книги. Сам он работал стекольщиком. Йенс был первым стекольщиком в районе острова Амагер, и именно здесь он и бродил в 1872 году со своим ящичком за спиной.

Но история Йенса начинается в Орхусе, где он родился 24 июля 1865 года. Причина, по которой мы всегда праздновали его день рождения 24 июня – на месяц раньше, нам неизвестна. Йенс был внебрачным ребёнком и воспитывался семейством Даниэльсен в отеле Ройал. В юности он получил образование моряка, и был принят на военно-морскую службу.

Мы не знаем, как он оказался в Копенгагене. Здесь он стал стекольщиком и даже имел собственное предприятие с 1911 по 1913 год на Амагерброгэде 167. Именно в 1911 году он и сменил фамилию.

Судьба всех шестерых детей сложилась благополучно, за исключением, может быть, одного только Акселя Конрада, который впал в немилость и не имел права носить фамилию Обринк. Возможно, потому, что был представителем богемы. Взамен старой фамилии он называет себя Альбринк и таким образом мстит за отобранное право носить имя Обринк. Аксель Конрад Альбринк становится художником. Некоторые из его картин и сейчас можно видеть на аукционах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.